
ЯДОВИТЫЕ СТРАНИЦЫ

ДАРСИ КОУТС

ПРИЗРАКИ

ДОМА БЛЭКВУД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Глава первая СЕАНС

— У тебя есть дар, моя дорогая. Духам не терпится поговорить с тобой. Подойди.

Женщина протянула Маре руки. Ей вовсе не хотелось касаться скрюченных от ревматизма пальцев, сухих, с тонкой как бумага кожей в пигментных пятнах. Но прямо за Марой стояла ее мать, которая и подтолкнула ее вперед.

Мара повернула голову.

— Я не хочу, — попросила она шепотом, не осмеливаясь говорить громче.

Звон украшений эхом разнесся по маленькой комнате вслед за движением наклонившейся ближе матери. Она всегда тщательно одевалась на эти сеансы: кулоны и подвески почивших родственников, браслеты с черепами и вырезанными на них оккультными заклинаниями, а также пользовалась сильными духами для особых случаев, с очень тяжелым запахом. Мара эти духи ненавидела. Любую комнату они про-

питывали насквозь, сгущаясь в воздухе, пока у нее не начинала кружиться голова и не сводило желудок.

— Будь вежливой, — ласково шепнула ей мать, щекоча дыханием ухо. — Мисс Хоровитц предложила стать твоим ментором. Это огромная честь. Возьми ее за руки.

Мара с трудом могла дышать. Ей было не по себе в тускло освещенной гостиной, с кучей старинных и загадочных предметов. Круглый столик для спиритических сеансов, накрытый некогда белой вязаной салфеткой, со стоявшей в центре единственной свечой. Полки, заставленные черепами животных, древними книгами, банками с мертвыми насекомыми, медленно тикающий метроном. Сложная роспись, явно выполненная вручную и уже порядком вытертая, покрывающая все стены, каждый сантиметр. Опущенные занавеси, неспособные заглушить рев бури за окном.

— Возьми ее за руки, — повторила Маре мать. Длинные пальцы стиснули плечи, но в этом вроде бы успокаивающем жесте читалось предупреждение.

Мара попробовала сглотнуть, но горло сдавило. Она вытянула руки. Если мисс Хоровитц и заметила, как они дрожат, то виду не подала. Руки медиума, точно богомол, выхватывающий добычу из воздуха, молниеносно вцепились в ладони Мары и сильно стиснули их.

— А теперь, моя дорогая, сконцентрируйся. — Мисс Хоровитц подобралась ближе, так, что они обе склонились над круглым столиком, и Маре оставалось только смотреть в дряблое морщинистое лицо. От пламени свечи на нем плясали глубокие тени, мраком собираясь у глаз.

— Ты унаследовала невероятные способности. Я вижу, как сила в тебе нарастает. Чтобы высвободить

ее, тебе всего лишь нужно сосредоточиться. Я направлю ее в нужное русло, и посмотрим, какие духи откликнутся сегодня на наш зов.

Зарокотал гром, сотрясая ставни, и Мара вздрогнула. Мисс Хоровитц только крепче, до боли сжала пальцы девочки. Донесшийся звон украшений выдал движение, и Мара покосилась на мать. Лицо Элейн сияло в свете свечей, пока она наблюдала за дочерью.

— Попробуй, милая, — прошептала она, и в голосе женщины звучала неутолимая жажда. — Мисс Хоровитц говорит, что ты можешь быть самым сильным медиумом своего поколения. Тебе просто нужно осознать свой дар.

Новый раскат грома. Мара закрыла глаза, уже не в силах сдерживать дрожь. Она понятия не имела, на чем ей велела сосредоточиться мисс Хоровитц, и не хотела представлять духов, которые, как говорила ее мать, жили среди них. Их достаточно приходило в ее кошмары: скелетообразные, не люди и не мертвецы, они блуждали в сумраке без шанса даже на временное облегчение, гневно наблюдая за миром живых угольно-черными глазами...

— Они идут! — ликующе воскликнула мисс Хоровитц. Мара осмелилась чуть приоткрыть глаза: пожилая женщина раскачивалась из стороны в сторону, запрокинув голову так далеко, что Мара испугалась, не сломана ли у нее шея. От закатившихся налитых кровью глаз остались видны одни белки.

Бушующий за окном шторм будто удвоил усилия, и рев дождя почти заглушил хриплый, больше похожий на бульканье голос мисс Хоровитц:

— Говорите с нами, живыми! Какие сообщения вы хотите передать своим смертным сосудам?

Я не хочу этим заниматься. Не хочу больше этого видеть.

Мара попыталась высвободиться, но не могла выдернуть руки. Обернулась к матери, но Элейн смотрела только на медиума, и в каждой черточке ее лица читалось благоговейное доверие.

— Придите! — Мисс Хоровитц уже кричала, заглушая раскаты грома. — Говорите!

Стол затрясся, неровное пламя свечи затрепетало. Мара едва удержалась от вскрика. Она не знала, что плачет, но слезы мокрыми дорожками щекотали щеки.

— Придите!

Стол затрясся еще сильнее. Рот мисс Хоровитц широко раскрылся, обнажая неровные стертые зубы, выступающие из десен почти до самых корней, седые волосы выбились из пучка и рассыпались по плечам, жирные пряди обрамляли лицо, струйка слюны стекла из уголка губ.

А потом мисс Хоровитц дернулась вперед, будто кто-то невидимый ударил ее по затылку. У Мары перехватило дыхание. Веки медиума приоткрылись, руки затряслись, и она заговорила глубоким гортанным голосом, совершенно чужим:

— Остерегайся дома, что жаждет тебя, дитя. Твой дар — твоё проклятие. Остерегайся дома, что тянет тебя к себе.

Последние слова ревом вторили доносящемуся снаружи грохоту бури. Сердце Мары неистово колотилось в груди, ужас парализовал ее, не давая вздохнуть. Взгляд мисс Хоровитц вновь обрел четкость, фокусируясь на Маре, и тогда страх, шок и недостаток кислорода объединились, даруя ей передышку от сеанса. Она упала в обморок.

Глава вторая НОВЫЕ ПЛАНЫ

— О-о-ох. — Мара потеряла переносицу. Сон витал в воздухе, точно дурной запах. От работавшего на полную громкость соседского телевизора стало только хуже, пошлый закадровый смех буквально вгрызался в мозг.

Сегодня хороший день, помнишь? Сегодня ты получишь собственный дом — возможно, может быть — и съедешь из этой дыры к концу месяца. Все хорошо. У нас все хорошо.

В какой-то квартире вскрикнул ребенок, и Мара с трудом сдержала желание побиться лбом об оконное стекло. Вместо этого она неуклюже опустилась на пластиковый стул. Мебели у нее было немного, и большая часть (стулья, раскладной стол и матрас) стояла у окна. Этот квадратик естественного света служил единственным спасением от серых пустых стен и вытертого ковра. Также оттуда открывался неплохой обзор на подъездную дорожку. Нил должен

был появиться только через десять минут, но она горячо надеялась, что он все же приедет пораньше: теперь, когда шанс сбежать из дешевой квартирki, хотя и в центре города, был так близок, она не могла провести в ней и лишнего часа.

«У тебя есть дар, моя дорогая».

— Возьми себя в руки! — одернула себя Мара. Прикусила большой палец, наблюдая, как ветер подталкивает скомканную газету дальше по дороге.

Ты уже четыре года как живешь отдельно. Теперь все контролируешь ты. И думать больше не смей о той чокнутой летучей мыши.

Мелькнул серебристый отблеск, и Мара с облегчением выдохнула при виде свернувшей к дому большой машины Нила. Схватив куртку со спинки стула и сунув ключи в карман, она чуть ли не бегом бросилась из комнаты. Дверь пришлось пнуть, чтобы замок закрылся нормально, что тут же вызвало возмущенное: «Эй! Полегче там!» от кого-то из соседей.

Перепрыгивая через ступеньку, Мара миновала квартиру с рыдающим ребенком и будто бы бесконечным ворчанием стиральных машин. Дверные петли скрипнули, Мара выбежала на солнце. Прогноз обещал резкое изменение погоды — наступала холодная осень с морозящим дождем, но такой ясный и теплый день скорее напоминал позднее лето.

Машина Нила ждала на дороге. Большая, чистая и явно ухоженная, она резко контрастировала с трущобами вокруг.

Нил перегнулся через переднее сиденье, открыть Маре дверь, с такой искренней радостью на лице, что у нее замерло сердце. Утренний сон вдруг перестал казаться таким уж важным.

— Доброе утро. — Он тепло поцеловал ее в щеку, пока она устраивалась на пассажирском сиденье. — Как спалось?

Отвратительно.

— Не жалею. А тебе?

— Отлично, спасибо. — Нил подождал, пока Мара пристегнется, и только потом завел машину и начал отъезжать от тротуара. Выведя машину с узкой подъездной дорожки, он протянул руку за сиденье и достал два бумажных пакета и термос.

— Что-то мне подсказывает, завтрак ты пропустила.

По салону поплыл запах чего-то горячего и вкусного, Мара схватила пакеты и потрясла, открывая.

— Боже мой! Знаешь, именно поэтому я с тобой и встречаюсь.

Нил рассмеялся.

— Тут картошка фри. А в другом салат. Подумал, что если подкупить тебя вредной едой, может, ты и немного полезной съешь.

— Зря надеялся, — с набитым ртом отозвалась Мара. — Но все равно спасибо. О господи-и-и, ты взял имбирное печенье!

— Решил, тебе понравится.

— Ты просто святой. — Мара, продолжая завтракать, украдкой взглянула на Нила. Размером с быка и в два раза нежнее котенка, разместиться с удобством он мог только в таком большом внедорожнике. Свежевыглаженная рубашка отлично сидела на его широких плечах, и, похоже, сегодня утром он действительно постарался что-то сделать со своей светлокаштановой шевелюрой, хотя держаться в какой-либо прическе она не соглашалась ни в какую. Нил пытался

сдержат улыбку, но покрасневшие кончики ушей выдавали его радость от реакции Мары на еду.

Нил с привычной легкостью вывел машину с центральных улиц в более уютные пригородные районы с дорогами пошире, и стрелка спидометра замерла делением ниже допустимого ограничения. Дом, который они отправились смотреть, находился как раз в предместье. Его выставили на продажу только накануне, и он отвечал всем требованиям Мары: доступный по цене, не совсем разваливается, хороший район. Мара была готова купить его в тот же день, если живую здание выглядело так же хорошо, как и на фото.

Нил ехал с ней для моральной поддержки, а также высказать свое мнение о доме. Он работал плотником и предложил посмотреть, не завелись ли в досках термиты, и нормально ли вообще держится здание.

Иногда Мара удивлялась, как так получилось, что Нил выбрал именно ее. В глазах Мары, он был почти — не совсем, но почти — идеален. Но Нил был религиозен, а против концепции религии Мара восставала всеми фибрами души.

Во многом они как зеркала отражали друг друга. Оба выросли в семьях, где духовным занятиям отводилась значимая роль, но если Нил, взрослея, перенял убеждения своей семьи, то Мара уехала из дома, как только ей исполнилось восемнадцать.

И все-таки их ситуации не совсем совпадали: ему никогда не приходилось круглосуточно сидеть на сеансах или слушать, как накачанный наркотиками медиум убеждает его мать, что она — реинкарнация Клеопатры.

— Что случилось? — Нил остановился на светофоре и наблюдал за Марой краешком глаза.

Осознав, что хмурится, Мара вернула лицу нейтральное выражение.

— Ничего. Я в порядке.

Нил улыбнулся ей, но ничего не сказал. Пауза затянулась.

Мара вздохнула и откинулась на спинку сиденья.

— Мне снова снился тот сон про сеанс.

— Вот блин. — Нил нашел ее руку, и ощущение большой крепкой ладони поверх ее пальцев вызвало приятную дрожь. Нил был надежным. Нил мог защитить. Он уважал ее и ее убеждения. Что еще нужно в партнере? На большее она и надеяться не могла.

— Все хорошо. — Она сжала его ладонь. Нил мягко поглаживал ее кожу большим пальцем. — Я это пережила. Нас ждет хороший день. Это может быть тот самый дом. То есть, вероятно, за ту цену, что они просят, все деревянное в доме заражено мокрицами, но...

— Ха! — Загорелся зеленый, но рука Нила еще секунду касалась ее руки, и лишь потом вернулась на руль. — Я буду просто счастлив, если ты съедешь из того дома, к мокрицам или нет.

— Квартира не такая и плохая, — сморщила нос Мара.

— Милая, ты живешь рядом с наркоманом, а за прошлый месяц полиция задерживала твоего арендодателя три раза.

— Да, ты прав. Квартира ужасная. — Мара прислонилась к окну, наблюдая, как проносятся мимо огромные вязы. Не хотелось произносить этого вслух, но она отчаянно надеялась, что сможет назвать своим

дом, который они едут смотреть. Сроки поджимали везде, ей нужно было найти жилье и поскорее.

Она работала упаковщицей на складе, но компания недавно сократила половину штата, и Мару в том числе. Минус — она безработная. Плюс — выходного пособия вместе со старательно накопленными за четыре года сбережениями должно было хватить на небольшой домик. Это все, чего Мара когда-либо хотела: свой собственный дом, где ее не будут ограничивать прихоти озлобленного хозяина, и никто не заставит съезжать против ее воли. Договор на аренду нынешней квартиры заканчивался как раз в конце месяца, и если его продлевать, она окажется привязана к крошечному обшарпанному зданию еще на три года. Вряд ли она сможет это пережить.

Нил уже спрашивал, не хочет ли Мара пожить у него, но она не дала ему даже договориться. Съезжая от родителей, она пообещала себе, что больше никогда не останется на ночь в доме, чьи стены отравлены спиритуализмом, астрологией, ясновидением или религией. А от дома детства Нила за милую душу несло религией. Крест на стене, церковная музыка во всех плейлистах, религиозные книги вперемешку с триллерами — сам Нил вряд ли замечал все это, прожив в такой обстановке всю жизнь, но у Мары бежали мурашки по коже.

Несмотря на это, Нил и его мать Пэм были по-настоящему милыми людьми. К ревностным христианам Нил не относился: Мара знала, что он ходит в церковь, и что у него есть друзья-единомышленники, но вера не пронизывала всю его жизнь.

До третьего свидания эта тема даже не поднималась, а в тот раз, когда Нил сказал ей, что он хри-

стианин, Мара чуть не ушла из ресторана. Но к тому моменту она сама была уже слишком увлечена и расстаться легко не смогла бы, так что решила осторожно дать ему шанс. И не пожалела. Нил с участием отнесся к ее чувствам, к детству, проведенному в доме спиритуалистов, и понимал, почему она не хочет повторять этот опыт.

Телефон Нила разразился какой-то популярной песней. Остановившись на обочине, он нажал на кнопку ответа.

— Нил слушает.

— Отлично, я вас поймала, — задыхаясь, прозвучало из трубки. Мара тут же узнала голос: Дженни, их риелтор, похоже, жила в вечном состоянии кислородного голодания. Нил либо не замечал, либо делал вид, что не замечает, но Мару это приводило в восторг. Ей нравилось думать об их риелторе как о Запыхавшейся Дженни. — Мне очень жаль, но дом продан.

— Что? — Мара уронила недоеденную картошку в пакет. — Его же только вчера выставили на продажу!

— О, привет, Мара. — В извиняющемся голосе Дженни появился нотка тревоги. — Мне бы хотелось вас чем-то порадовать. Но, милая, это в самом деле была отличная сделка. Сегодня утром приезжала пара его посмотреть, и они сразу же оставили залог. Мне страшно жаль, что расстроила вас.

— Все в порядке, — заверил Нил.

Внутри Мары все кипело.

— Все не в поряд...

Нил быстро вытащил из пакета печенье и сунул Мару в рот.

— Все в порядке, Дженни. Может, есть еще какие-то варианты на сегодня? Мы как раз в машине.